

ОРДУНИ
В ГОРАХ

А

Р

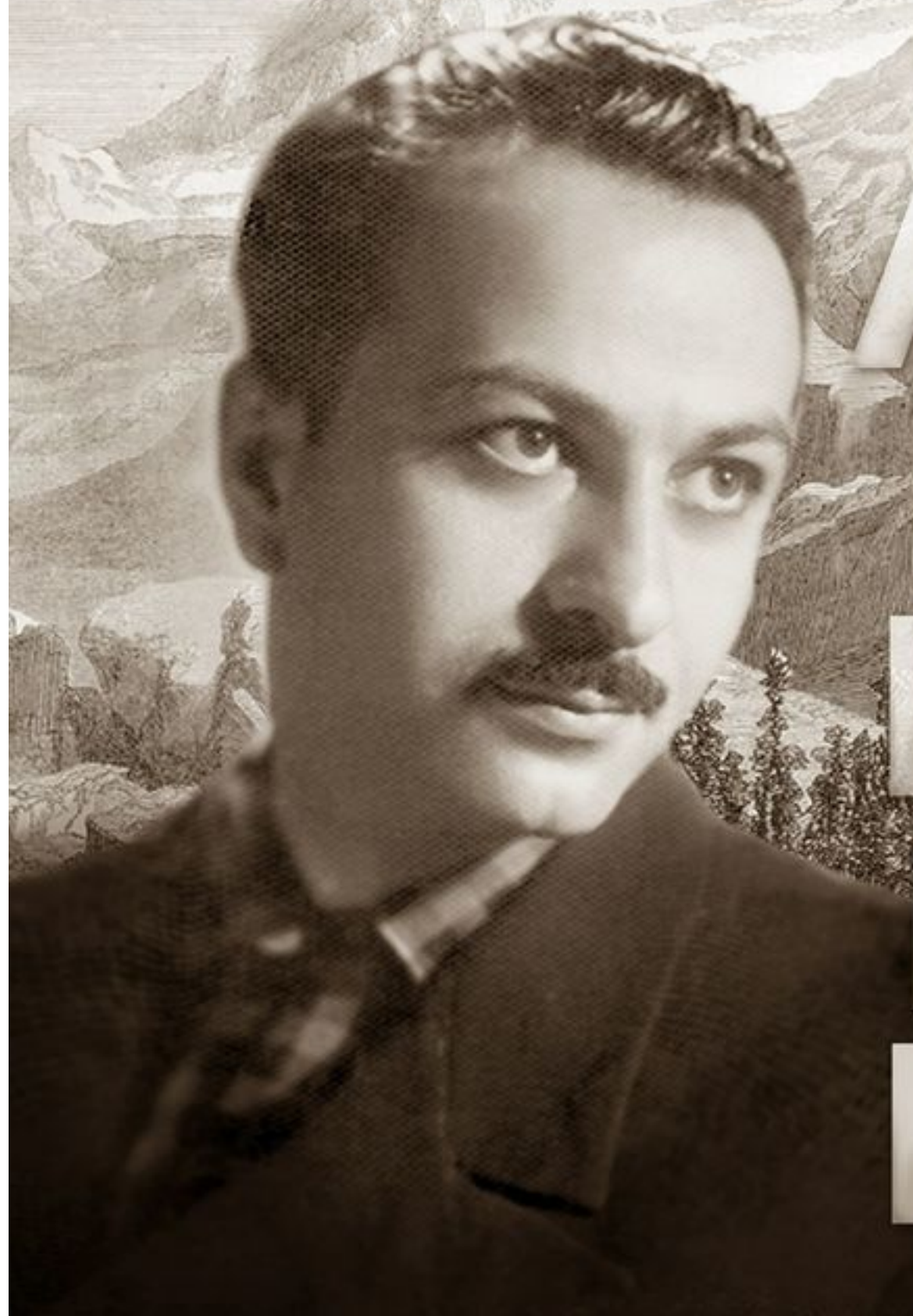
М

Е

Н

И

И

Ордуни

**В горах Армении.
Поэмы и стихотворения.
Мемориальное издание**

«Издательские решения»

Ордуни

В горах Армении. Поэмы и стихотворения. Мемориальное издание
/ Ордуни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836833-2

Уже двадцать три года как нет в живых моего деда, Степана Сааковича Саркисяна, а его прах покоится за сотни километров на старом Петропавловском кладбище в городе Тбилиси. Много воды утекло с тех пор, но по сей день мне не дает покоя один его наказ. Дед то ли в шутку, то ли всерьез велел превратить жизнь в сказку, а сказку — в жизнь... И пускай моя жизнь далека от сказки, вторую часть дедовского наказа я всё же выполнил... Пускай мои поэмы станут деду нерукотворным памятником и посмертным подарком...

ISBN 978-5-44-836833-2

© Ордуни
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
В горах Армении	11
I	11
II	14
III	18
Мятежный князь	21
I	21
II	23
III	26
Рецензии	30
Комментарии к предисловию	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

В горах Армении Поэмы и стихотворения. Мемориальное издание

Ордуни

© Ордуни, 2017

ISBN 978-5-4483-6833-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я СМЕРТЕН, Я НАВЕКИ УХОЖУ,
МОЙ ЧАС ПРОБЬЕТ – И ВЕКИ Я
СМЕЖУ. НО ПУСТЬ ПРОЗРЕЮТ
ТЬМЫ ЛЮДЕЙ ДАЛЕКИХ, ЧИТАЯ
МНОЙ НАПИСАННЫЕ СТРОКИ...

Юсуф Хас-Хан-Баласагурецкий

Предисловие

*То, что умерло как реальность,
часто живо как наизидание.*

Виктор Гюго

Для каждого из нас прошлое имеет огромное значение. Оно, словно русло реки, властно определяет течение всей нашей жизни, и чем старше мы становимся, тем глубже и шире это русло. А в какой-то момент оно вмещает в себя уже всю жизнь, и тогда это русло и есть жизнь... Настоящее, как на фундаменте, зиждется на прошлом, и что бы мы ни говорили, как бы ни пытались убедить себя в могуществе настоящего, нам никогда не удастся избавиться от бремени прошедших лет. Порой эта ноша слишком тяжела... Увы, от прошлого убежать нельзя, как нельзя убежать от собственной тени. Тем не менее, мы часто гоним его от себя. Странно, не правда ли? Как можно гнать от себя то, чего, как утверждают многие, попросту нет! Но прошлое есть, оно реально, и живет оно в нас, в наших воспоминаниях, которые порой не только реальнее всего живого вместе взятого, но и настоящая угроза настоящему... Прошлое не терпит к себе неуважительного отношения, и повседневная жизнь убеждает нас в этом с завидным постоянством. Так вот, отдавая дань прошлому, свое повествование я начинаю с воспоминаний.

Уже двадцать три года как нет в живых моего деда, а его прах покоится за сотни километров, на старом Петропавловском кладбище в городе Тбилиси. Много воды утекло с тех пор, но по сей день мне не дает покоя один его наказ. Дед то ли в шутку, то ли всерьез велел превратить свою жизнь в сказку, а сказку – в жизнь... Да, да, ни больше ни меньше! Случилось это в мой восьмой день рождения. Тогда в подарок от деда я получил свою первую книгу, – Сказки братьев Grimm, – новое подарочное издание в тканевом переплете с золотым тиснением. И на форзаце изящным дедовским почерком было написано: «Сумей превратить жизнь в сказку, а сказку в жизнь!» Тогда, будучи ребенком, я не придавал этому особого значения, полюбовался безупречно уложенными на бумаге буквами да замысловатой дедовской подписью и приступил к чтению собственно книги. Со временем ее содержание, как и позолота, стерлось из памяти, но дедовский наказ-напутствие, будто дамочков меч, тяготеет надо мной поныне. К сожалению, его первую часть я так и не выполнил, и навряд ли сумею, а вот вторую... Впрочем, не буду забегать вперед и сперва познакомлю вас со своим дедом.

При рождении меня назвали в честь отца отца, Степана Сааковича Саркисяна. Для меня он был непререкаемым авторитетом, и его образ на всю жизнь запал в мою память. Высокий лоб, прямой, несколько удлиненный нос, выразительные глаза и невероятно популярные в сороковых годах прошлого века усы а-ля Гейбл. Дед был чрезвычайно аккуратным и утонченным человеком, манеры его поведения, тон разговора, правильные черты лица, словом, всё в нем говорило о родовитости и уме. Светская учтивость, галантность и голливудское обаяние были у него в крови, а безупречный строгий костюм-тройка и каждый сезон новая шляпа – его джентльменским набором.

Помимо яркой внешности дед имел довольно крутой нрав, и все наши родственники и знакомые были вынуждены считаться с его непреклонным характером. Но я не помню, чтобы он когда-нибудь повышал голос! Собственно говоря, при респектабельности кремлевского чиновника и решительности наркома внутренних дел в этом просто не было необходимости. Не говоря уже о том, что его пронизательные глаза могли «говорить» весьма доходчиво... Именно они предательски выдавали в нем давно затихшие струны родовой воинственности, видимо, передавшейся ему через многие поколения. И ни изысканные манеры, ни тонкий вкус не могли заглушить зова предков... Моя бабушка говорила: «Мне доводилось видеть мужа

не только в хорошем расположении духа... в такие моменты Стёпу ничем не остановить, а его глаза становятся похожими на фары приближающегося поезда!» Со мной же дед, напротив, преображался и из мистера Безупречность превращался в любящего дедушку и неутомимого сказителя чудесных историй! Помню, как в далеком детстве, когда мы проводили дни напролет вместе, дед по памяти читал мне Ованеса Туманяна и Григора Мурацана, учил меня, каким должен быть настоящий человек, знакомил с культурой армянского народа и подвигами его героев. Он любил рассказывать о легендарном Ара Прекрасном и выдающемся царе царей Тигране Великом, победоносном Ашоте Железном и праздном Хосрове Коротком, мифических Санасаре и Багдасаре и их внуке Давиде Сасунском, и многом, многом другом. Особенно же часто дед говорил о происхождении своей фамилии и рода, причем делал это с таким интересом и увлечением, часто в иносказательной форме, что время для меня останавливалось и даже текло вспять... И тогда я мысленно переносился туда, где в вечных ледниках берут свое начало Евфрат и Тигр, туда, где в облаках теряется библейский Арарат, туда, где колыбель цивилизации – в Армянское Нагорье...¹ Тысяча и одна ночь Шахерезады вместе с легендами о короле Артуре и близко не стояли! Воистину дедовы фамильные саги стали моими первыми сказками!

Старания деда не прошли даром, попав на благодатную почву, поведенные им сказания и предания выкристаллизовались в поэмах «В горах Армении» и «Мятежный князь». Главным героем данных поэм стал последний князь Великой Армении из рода Ордуни. Среди множества героев армянского эпоса, о которых мне рассказывал дед, был и князь-богатырь. Спустя много лет после смерти деда от своего отца я узнал, что богатырь Ордуни не только не сказочный персонаж, но и родовое имя его предков!² Меня заинтересовал этот любопытный факт, и я заглянул в историю средних веков. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что князь Ордуни действительно там упоминается, правда, не овеянный ореолом героической романтики. Ну нет, так нет, подумал я, – бог с ним! Только вот зачем было летописцам с мировым именем упоминать ничем не примечательного человека? Нет, думаю, чтобы о тебе узнали спустя почти 2000 лет, для этого надо изрядно постараться! Эта неувязка положила начало небольшому «расследованию», провести которое я посчитал своим долгом. Тем более, что при поверхностном знакомстве с новым «делом» у меня возникли подозрения, что оно «сшито белыми нитками». Только нет ничего тайного, что не стало бы явным, и в результате кропотливых изысканий и души прекрасных порывов родились поэмы «В горах Армении» и «Мятежный князь».

Почему мятежный? Такую уж славу он снискал себе на страницах Истории, так запечатлели его средневековые анналы, хотя роль и место княжеского рода Ордуни на исторической арене Великой Армении вызывает больше вопросов, нежели ответов. Беглое упоминание о нем относится к началу IV века нашей эры, и может быть найдено в летописях армянских историков. Например, из трудов «отца армянской историографии» Моисея Хоренского можно узнать, что все представители рода Ордуни погибли во взаимных распрях и междоусобных войнах с другими княжескими родами. Из хроники же Фавстоса Бузанда, не менее известного средневекового армянского летописца, следует, что он был уничтожен царем Великой Армении Хосровом III за покушение на царскую власть. В главе IV книги третьей его Повестей, среди прочего, читаем: «...Они пренебрегли посланными и даже захватили и разрушили царский дом». Однако, раз заикнувшись о посягательстве на корону и не развивая этой архиважной с точки зрения историка темы, Бузанд тоже переходит к не стоящим внимания междоусобицам между князьями: «...А сами они, остервенев, сейчас же стали воевать еще ожесточеннее друг с другом».

Такое поведение при дворцовых переворотах совсем нетипично... Если допустить, что вражда с соседними княжествами была самоцелью (как вариант, кровная месть), то зачем тогда захватывать царские палаты? А если всё-таки имела место неудачная попытка узурпации власти, то зачем было воевать с соседями? Тем более, после разрушения царского дома!.. И это

в те жуткие времена, когда неуважительный жест и даже случайно оброненное слово в адрес царской семьи карались лютой смертью! Куда логичней после такой неслыханной дерзости было крепко помолиться...

Представляется, что, скорее всего, акцент на междоусобицы был сделан преднамеренно, чтобы завуалировать негодование и мятежи среди высших эшелонов знати, и облечь царскую карательную политику, направленную на возможных конкурентов по трону, в неполитические одежды³. А конкуренты были... Видимо, не случайно Фавстос Бузанд величает опальных вассалов «великими князьями, бывшими владетелями гаваров и стран», а Валерий Брюсов⁴ в своей «Летописи исторических судеб армянского народа»⁵ и вовсе называет вещи своими именами: «Той же политики держались преемники Тиридата. Его сын Хосров Карлик одолел других претендентов на престол, поддерживаемых персами»⁶. Ну как тут не вспомнить «Гамлета» Высоцкого: «...Я, Гамлет, я насилье презирал, я наплевал на Датскую корону. Но в их глазах – за трон я глотку рвал и убивал соперника по трону!» Престольная гипотеза исчезновения княжеского дома Ордуни представляется более правдоподобной еще и потому, что трон Великой Армении в те времена то и дело переходил из рук в руки⁷, так как за гегемонию в Месопотамии, где Великая Армения играла важную стратегическую роль, столетиями вели нещадную борьбу могущественнейшие державы тех лет – Персидская и Римская Империи! И каждая из них стремилась сделать царем своего выдвиженца, что не составляло большого труда при феодальной раздробленности Великой Армении тех лет. А если учесть, что царь Хосров III был ставленником Рима, в то время как родовладычество Ордуни – двумя веками ранее учреждено царем Вагаршаком I, ярим противником Рима и борцом за независимость Армении, то многое становится ясным⁸. К сожалению, при известной скудности имеющихся исторических источников и их чрезвычайной тенденциозности, а также временной удаленности описываемых событий историческая правда могла претерпеть существенные искажения и о многом остается лишь догадываться...

Тем не менее, чтобы не сойти с «мощенной дороги Истории» и не впасть в голословное сочинительство, при написании поэм я опирался на фавстосовскую версию описываемых событий и, отдавая дань армянской летописной традиции, не шел путями странствующих бардов и ашугов⁹, воспевавших и часто приукрашивавших деяния и подвиги своих героев. В поэмах я попытался воссоздать лишь, относительно, бесспорные исторические события, а именно, ликвидацию княжеского рода Ордуни царем Великой Армении Хосровом III, чье правление прошло под эгидой всесильных римских легионов. Всё остальное было делом техники, здравого смысла и, конечно же, творческого вдохновения.

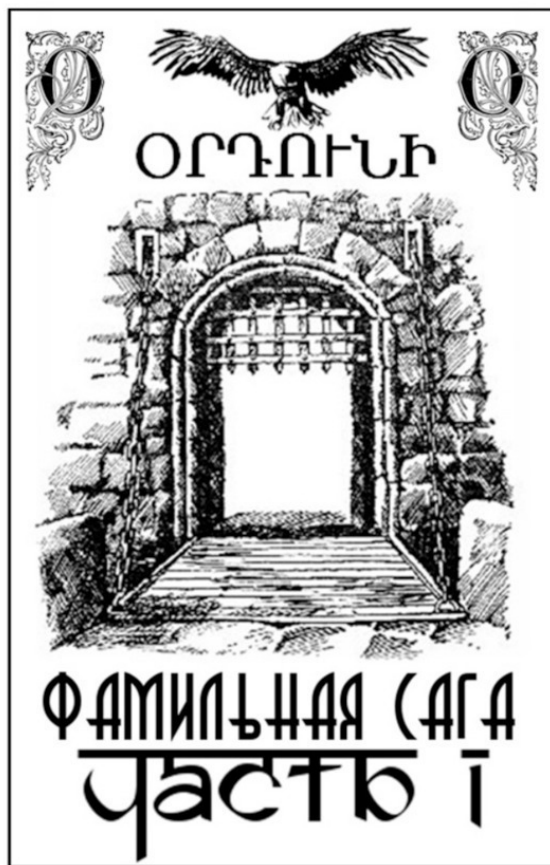
Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что ни использованные источники, ни тем более их поэтическое освещение не могут претендовать на звание исторической истины. Не случайно академик Абебян¹⁰ в свое время предостерегал от безоговорочного пользования вышеуказанными трудами как достоверными историческими источниками. Творческий момент в них, по мнению ученого, занимает значительное место, а сама история носит скорее эпический, нежели строго исторический характер. Ни для кого не секрет, что в средние века летописи обычно составляли люди (как правило, священнослужители), приближенные ко двору, со всеми вытекающими последствиями: не всегда о белом писалось в светлых тонах, как и о черном – в темных...¹¹

В этом отношении показательно и крайне любопытно признание Цицерона¹²: «Позвольте мне здесь, квинтиты, по примеру поэтов, излагающих историю Рима¹³, *умолчать о нашем поражении*, которое было столь тяжелым, что императору принес эту весть не гонец с поля битвы, а молва¹⁴...» О тенденциозности источников говорил, как известно, еще в первом веке нашей эры и еврейский историк Иосиф Флавий. К примеру, в своей книге «О войне иудейской» он

сообщает, что даже у писателей-очевидцев сильно искажены подлинные исторические факты и даны, в угоду римлянам, или хвалебные тенденциозные описания, или же клеветнические измышления об их врагах¹⁵... И вообще, История изобилует примерами того, как легко было по политическим причинам попасть в опалу и пасть жертвой режима даже после выдающихся заслуг перед Отечеством¹⁶, и за прошедшие тысячелетия мало что изменилось...

Как бы оно там ни было, поэмы «В горах Армении» и «Мятежный князь» являются воплощением того бесценного духовного наследия, которое оставил мне мой дед и которое я в свою очередь хотел бы оставить будущим поколениям своих родственников, в назидание и на добрую память. Ведь прототипом полулегендарного князя стал никто иной как Степан Саакович Саркисян, ревностный хранитель родовых традиций и преданий. Именно дед со своим генотипом, лежавшим в основе его внушающей невольное уважение личности, подвиг меня на создание эпических поэм, и именно с него, выражаясь языком живописцев, я писал образ мятежного князя. Но почему всё-таки мятежного? Возможно, потому, что «он счастья не ищет и не от счастья бежит... а он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!» Мудрые люди говорили, что хорошо и почтенно идти по стопам предков, если, конечно, они шли прямым путем¹⁷. Только кто возьмется ответить, какой путь является прямым! Разве что тот, который ведет прямо в могилу... И я глубоко убежден, что окажись мой дед в такой же непростой ситуации, как и его персонаж, он наверняка принял бы единственно верное решение, даже если это путь в один конец...

10 февраля 2017 года деду исполнилось бы 90 лет, и в этот памятный для меня день я снова открываю уже старую и потрепанную книгу, на форзаце которой изящным почерком написано: «Сумей превратить жизнь в сказку, а сказку в жизнь!» И пускай моя жизнь далека от сказки, вторую часть дедовского наказа я всё же выполнил, и своими поэмами воплотил сказку в жизнь! Осталось лишь отдать дань его памяти. Так пусть эта книга и станет деду посмертным подарком и нерукотворным памятником...

В горах Армении

*Одно зеркало важнее целой галереи
портретов предков.*

Менцель

I

В горах Армении седых
Среди надгробий вековых
Лежит *почивший*, позабытый,
Снегами вечными прикрытый.

Тот, кого предали забвению,
А прежде сделали мишенью:
Таков уж рок на белом свете
При жизни быть в авторитете!

Его гробница безызвестна,
Масісу¹⁸ древнему окрестна;
О нем почти не вспоминают,
И ратных дел не воспевают.

Но для меня он что живой,
С курчавой черной бородой
Стоит на крепостной стене
С тяжелой думой о судьбе...

Судьбе земли отцов, народа,
Своей семьи и в целом рода.
Решение принять не просто:
Ведь дело-то смердит погостом!

Над замком молния играет,
В покоях женщина рыдает,
Во мгле темнеют ров и вал,
А стража ждет его сигнал.

Одно лишь слово иль поклон —
Вновь станет светлым небосклон,
И будешь спать как прежде мягко,
И будешь есть всё так же сладко...

Но нет, не дождалась поклона,
И слышен ропот гарнизона...
Идти на смерть-то неохота,

Пускай война – твоя работа!

Бьет барабан, трубит рожок,
Чего же в горле встал комок?..
Он не преемлил реверанса,
Зато теперь герой романса!

О нем узнал я в классе пятом,
В году, эдак, восьмидесятом.
Узнал от деда, не случайно,
Он говорил, что это тайна!

Что тот *почивший* был герой,
Для чванных деспотов – грозой.
Любил его народ простецкий,
И был он князь великосветский!

Над дедом часто потешались,
Всерьез слова не принимались:
«Всё это враки да крамола...
Аль не боишься протокола?»¹⁹

В законе есть за то статья,
И речь твоя – галиматья!»
По нраву дед был непростой,
Таких не запугать тюрьмой...

Он гнул своё: «И всё ж герой!»
Ему: «Не майся ерундой...»
А дед: «К нему мой род восходит!»
Вокруг: «Неужто не доходит!»

Так дед, души не чая в роде,
Нуждаясь в нем, как в кислороде,
С младых ногтей мне прививал
Любовь к корням своим. Внушал:

«Меня послушай, внучек мой,
Не властен я над злой толпой,
Но знай хоть ты, души ковчег,
Кем был тот знатный человек.

Отец покойный мне сказал,
Что был он ратный генерал,
А не какой-нибудь балбес —
Не зря писал о нем Мовсес!»²⁰

Князь Ордуни, запомни, внук,
Был не простой тебе барчук,

Один ходил с копьем на льва,
По всей округе шла молва!

Он верил в правду и закон,
Не тот, что власти компаньон,
А тот, который правит балом,
И служит в горести причалом!

В победу навыка над силой,
Любови жаркой над постылой;
Пускай цена победе той —
Что ты покойник иль изгой!

Его убили... так случилось,
Что солнце рода закатилось:
В неравной сече храбро пал,
Хоть и по чести поступал...»

II

Скажу вам, други, по секрету,
Что тыщи лет канули в Лету,
Пора забыть фамильну сагу,
И бросить уж марать бумагу.

Но лишь увижу Арарат,
В душе те горы вмиг родят
Погибших предков сонм,
Мне не дает покоя он!

Хоть деда нету много лет,
А я плохой востоковед,
Его слова в груди ребенка
Сыграли словно киноплёнка!

Из года в год я вижу сон,
Им на страданья обречен,
На муки, на сомнения
В реальности видения.

Закреть лишь только стоит очи,
Как нет в помине мрака ночи:
Блестит шапка Арарата,
Сияет зернами граната!

У самого горы подножья,
Я вспоминаю это с дрожью,
Там, где на лозах виноград
Повсюду лезет из оград...

Долина в кроби утопает,
И трупами сады питает:
Идет убийство тут и там,
И нет прощенья врагам!

Звенят мечи и свищут стрелы,
То песнь войны за переделы...
Как вдруг гляжу: посреде брани
Триарий²¹ бьется с... Ордуні!

Верзила-галл, ас-пехотинец
– Моя рука с его мизинец —
На князя замахнулся с гиком,
Зажмурился я в страхе диком!

Всё, думаю, погибнет князь,
А он противника-то в грязь!
Проворно прыгает с коня —
В крови врага его броня...

Подходит к галлу, тот вопит,
А князь вальяжно говорит:
«Пока живи, шут Антиоха²²,
И передай своим-ка, кроха:

Эпоха цезарей прошла,
Будь проклята их кабала!»
И враз меня рукою манит,
А рядом раненый горланит.

«Иди сюда, быстрее, чабан²³,
Или не понял, ты, болван?..
С тобой правитель говорит,
Башка сейчас твоя слетит!»

Чего таить – я испугался...
А он лишь громко рассмеялся:
«Да ты не бойся, шлем надвинь,
Каких ты держишься святынь?»

Меня князь бегло осмотрел,
Гигант тем временем сумел
Шагов на двадцать отползти,
Чтоб волю княжью донести...

«Беги, беги, хоть к Константину²⁴,
А хошь – к малютке-армянину!²⁵
Нет, лучше сразу к Максиму Гаю²⁶...
Знай: Арарат не взять им с краю!²⁷

Ну как ты, цел?» – бросает князь.
Ему я: «З-здрасьте! – спохватясь. —
Я в-воин, пеший, то есть конный,
Меня направил г-гарнизонный...»

«Я слышу голос твой дрожит, —
Мне сходу княже говорит. —
Но то понятно, бой не шутка,
Того гляди лишит рассудка.

Я погляжу, храбрец, ты, паря,
Раз не боишься государя!..
Со мною рядом раз сражался,

Да в самом пекле оказался...

Но ты не думай, враг труслив,
Жаль, нет у нас альтернатив.
Ты погляди на легионы,
Они хотят чужой короны!

Не верю цезарей волкам,
Они, пройдохи, тут и там,
Везде свои порядки вводят,
До ручки нацию доводят!

Не знают дьяволы одно:
Ищу конец я свой давно...
Земля отцов осиротела... —
Слеза у князя заблестела. —

Их одолеть не хватит сил,
Никто не избежит могил;
Запомни: дух превыше силы,
Не ной, что руки твои хилы!

Не бойся смерти и расправы,
Куда ужасней жизнь без славы,
Наплюй на почести, богатства,
Уж лучше доблестью похвастай!

Мужчина создан для отваги,
Иначе ждет судьба дворняги.
Запомни, сын: не суетись
И за Армению молись!

Война была всегда, и будет,
Поверь, от мира не убудет...
А ненависть... она внутри —
Ты лишь на лица те взгляни!»

Я оглянулся – бой в разгаре,
Друг друга рубят все в ударе,
Кругом оскалы да гримасы —
Таков удел земельной расы!

И тут слова я вспомнил деда,
Эх, думаю, его б проведать...
О князе правду рассказать,
Да панихиду заказать...

Скажу я князю всё, что знаю,
А там, глядишь, не пострадаю;

Я утаить про род не вправе,
Ведь князя ждут на переправе.

Старик Харон на водах Стикса,
Давно со смертью что свыкся,
Тот ждать не будет, не мечтай,
И к мысли жуткой привыкай!

А коль убьет меня за дерзость,
Так я ж в душе и так истерзан,
Не велика для всех потеря...
Я осмелел, себя заверя.

III

«Послушай, храбрый нахапёт²⁸,
С тобою рядом я – что шкет!
И титул мой совсем негромок,
Хоть говорят, что твой потомок.

Быть может, всё это нелепо,
Во что я верил с детства слепо.
Меня так, знаешь, воспитали,
Что я теперь в плену морали...

Мне очень стыдно и обидно,
Что не могу я жить солидно,
И важничать я не умею...
А ведь местами уж седею!

Что скажешь, княже, как тут быть,
Тебя достойным чтоб прослыть?
Что нужно сделать, что свершить,
И мне чтоб славу раздобыть?»

Нисколько князь не удивился,
В глаза взглянул, а я смутился;
Он усмехнулся, огляделся,
И вновь в седло свое уселся.

«Не утруждай себя, не надо,
Не суть чьи ты будешь чадо...
Я знал царей, удел чей – прялка,
А есть рабы – им трон не жалко!

Потомок, предок – всё едино,
Когда нутро твое... зверино...
Быть человеком – вот талант,
Тогда ты истинный атлант!

А меч, так он силен плечом,
Я власть добуду нагишом!
А коли трус ты и глупец,
Так не спасет тебя венец...

А хочешь славы, будь готов
Один пойти на стан врагов,
В любой момент уйти к отцам,
И гимны петь... похоронам!»

Вдруг в небе кто-то закричал,
Князь помрачнел и прошептал:
«Над головой я слышу крылья...
Всему виною камарилья!»²⁹

За мной пришли, тебе ж пора,
Всё в этом мире мишура...»
На этом слове князь исчез,
Как снова крики те с небес!

Орел парил то в вышине,
А рядом с ним на скакуне...
Стрелой пронесся князь-отец,
Найдя в кой веки свой конец.

И каждый раз на этом месте
Я просыпаюсь, хоть повесьте!
Никак мне сон не досмотреть,
И птицей к солнцу не взлететь.

Такая вот фамильна сага...
По мне, остра она, как шпага,
Местами спорна, но не шатка,
К тому же есть в ней опечатка:

В горах Армении седых,
Среди надгробий вековых,
Лежит *почивший*, незабытый,
Слезами скорбными обмытый!

Пришла пора и нам прощаться,
И чтоб на месте не топтаться,
Идти вперед к мечтам заветным,
Не слыть лакеем беспросветным:

Неважно, предадут ль забвенью,
Неважно, будешь ли мишенью,
Сумей на этом грешном свете
При жизни быть в авторитете!

2017

Мятежный князь

Весь я не умру.

Гораций

I

Как жаль, что человеком,
Пусть гордым, я родился,
И с развращенным веком
Сродниться умудрился!

Как жаль, что не орел я,
Тот, что в горах летает,
И в качестве приюта
Кто скалы выбирает!

Как жаль, что я не в силах
Парить над краем предков,
Их кровь вскипает в жилах
– Я не терплю объедков!

Как жаль, что я, птенец,
Не вникнул в сказку деда,
Как славный праотец
Воспрянул против света!

Как жаль, что я нигде
Не видел, кто делами
Был в дружбе и вражде
С самими королями!

Как жаль, что дед усоп,
А с ним ушли и сказки,
Где раб и царь утроб —
Все преданы огласке!

Как жаль, что Ордуни
Не подлинное имя...
Пусть стоны, кровь резни
Под маской псевдонима!³⁰

Как жаль, что не вернуть
Почивших прежню славу,
Осталось лишь черкнуть
Мне притчу про расправу.

II

Учил великий баснописец
О зависти, друзьях, врагах,
О том, что дело – ох и ах!..
И недруги «куда ни взглянут,

Поднимут вечно лай;
А ты дорогою своей ступай:
Полают да отстанут...»³¹ —
Когда те времена настанут?

Эх, кабы те слова да Богу в уши
– Полают да отстанут —
Пред Господом скорей предстанут,
Чем мучить ближних перестанут!

Увы, таких полным полно,
Что не отстанут ни за что,
Пока на свете есть другие —
Душой кристальные, лихие!

Кто в силах правду говорить,
Не пресмыкаться, не юлить,
Сказать, что истина трудна,
Причем не в золоте она...

«А в чем еще? Побойся Бога!
Богатству ведь везде дорога!» —
Об этом думал допоздна...
Вот вам история одна:

Давным-давно в стране орлов³²,
Что жили вольно средь дворцов,
Случилась бойня... не на шутку,
Она была и вправду жуткой!

Среди армян жил царь Трдат³³,
Великий муж, священ, брадат,
Его любил и стар и млад,
И уважали все подряд!

Народу Бога он принес,
Христа восславил, превознес.
Когда же царь ушел к отцам,
В стране поднялся шум и гам.

«Как жить? Кто будет нам отцом!
Трдат большим был мудрецом!
Замену где ему сыскать?
Судьбу свою кому отдать?»

Пока в раздумьях был народ,
Из Рима весточка идет:
Трдата сын Хосрób Котák³⁴
Несет в Армению тесак!

И слышен топот колесниц,
И крик возниц, и стон блудниц,
То едет царствовать Хосров
Под предводительством бойцов!

Убогий люд признал диктат,
Повсюду римляне и смрад,
Да только некий нахарár³⁵
Царю в присяге отказал!

Грядет раздор, хоть с Римом гладко,
В стране орлов царю не сладко:
Подняли бунт свои ж князья
– Хосров не будет у руля!³⁶

Подумали, потолковали,
Посыльных всюду разослали,
Мол, хоть Хосров Трдата сын,
Отца не стоит он седин!

Хосров, тщеславен и хитер,
Зовет смутьяна на ковер³⁷:
«Кто воду мутит? Как зовут?
Ко мне доставить в пять минут!»

Но не успел закрыть царь рта,
Возня поднялась у крыльца...
То во дворец зашел в парчах,
Кого искали второпях!³⁸

Высок он был, плечист, опрятен,
Богат, силен и очень знатен!
В глаза царю он посмотрел,
Не поклонившись, прогремел:

«Меня искать, поверь, не надо,
Сюда пришел я без отряда,

Народа волю огласить,
Тебя покорно попросить:

Уйми своих заморских псов,
Не оскверняй закон отцов,
Велели строго старики:
Адат³⁹, как око береги!

И помни, нации кристалл:
Тебе отнюдь я не вассал!»
Слова те ранили царя —
Облился кровью без ножа.

И вот Котак, он же малыш, —
Был тот правитель коротыш, —
Решил свой норов показать,
Князю на место указать...

Котак метался, бесновался,
Найти решение пытался,
Ведь князь могуч, велик, умен,
Того гляди взойдет на трон⁴⁰.

Но не придумал ничего
Как сокрушить весь род его...
Так царь, не выдержав позора,
Отряды двинул командора.

Тот был известный спарапет⁴¹
– В меха и латы разодет.
Узнав намеренья Хосроба,
Он возмутился с полуслова:

«О царь, послушай старика,
Твоя корона не легка...
Ты господин не над щенками,
О том не помнишь временами.

Армения сильна не Римом,
Она сильна в неоспоримом
В союзе всех родов от Айка⁴²...
А с *ним* смешна твоя нагайка!»

«Молчать! Противна эта тема,
Не человек *он*, а – проблема!
Как я решил, оно так будет:
История о *нем* забудет...»

III

Ваче⁴³ решил наведать князя,
Не побоялся ведь указа,
Что царь намедни огласил —
Князей их вольностей лишил!

«Отец твой другом был Трдата,
Тот не сторонник был диктата,
В кого Хосрбв пошел, не знаю,
Беду лишь сердцем ощущаю!» —

«Тебя рад видеть, старина,
Вовек цветы армян страна!»
Так отвечал комбригу князь,
Радушно воину поклонясь.

«Ты обречен, — сказал тот князю, —
Хосрбв ведь зол, как на проказу!
Его понять, по мне, так можно,
Из кожи лезет царь безбожно...

Всё жаждет славы, уваженья,
А ты лишил его почтенья...
Не вижу выхода здесь я,
И Арамазд⁴⁴ тебе судья!

Теперь почет одним сатирам,
Рискую сильно я мундиром...
Угомонись же — повторю:
Готовят плаху бунтарю!»

Предвидя, что грядет конец,
Мятежный князь сказал: «Отец!
Неужто станешь кровь ты лить,
Детей и женщин изводить!»

Но спарапет, нахмутив брови,
Не стал ловить его на слове:
Ведь князя сызмала он знал,
И в нем врага не признавал.

«Хосрбв не внял моим словам,
Не раз бросался я к ногам...
Твой замок древний окружен,
И жребий горький предрешен.

Ты воин знатный, уж поверь,
Не сосчитаем мы потерь...
Да только есть ли в этом толк?
– И спарапет на миг умолк. —

Ты лишь взгляни на те когорты,
Они пришли не на курорты!» —
В сердцах добавил спарапет,
Не смея дать прямой совет.

Войска глазами он обвел,
Но даже бровью не повел —
Пусть никакого нет спасенья,
Пускай потерпит поражение!

Князь, зная, что уж обречен,
Воскликнул: «Не порабощен!
Уж лучше смерть принять в бою,
Чем жить в позоре за страну!

Моих бойцов от силы тыща⁴⁵,
А царских – эка вон толпища!
Не страшен и злодей Шапух⁴⁶,
Пока в груди урартский дух!⁴⁷

Достойно встретим мы врага,
Нам смерть с рождения дана,
Поляжем все, и стар и млад, —
Уж лучше ад, чем цезарь-град!⁴⁸

И видя спарапет-мудрец,
Что князь отныне не жилец,
Сказал ему: «Ты знаешь, князь,
Хосрбв сюда идет, боясь...

Приказ я царский исполняю,
Прошу тебя, князь, умоляю...
Оставь ты гордость свою, честь,
Твоих богатств не перечеть!

Хосрбв простит тебя, забудет,
И крови тут совсем не будет...»
Лишь усмехнулся князь в ответ:
«И впрямь, кто хочет быть отпет!..

Тебя, Ваче, я уважаю,
И дел твоих не осуждаю...
Ты воин – это наш удел!

Чего ж от думы похудел?

Куда пришел? Аль заплутал!
Визиря ставку тут искал?!..
Ты знал моих отцов, дедов,
Но нынче ты гонец волков...⁴⁹

Да, я богат и очень знатен,
Возможно дерзок, неприятен,
Но знай, когда придет беда⁵⁰,
Меня вы вспомните тогда!

Совсем забыли вы Тиграна⁵¹,
Кумиром сделали Траяна⁵²,
Кричите «Аве!» силам зла
И дружбе с всадником коня!

Ничьей не буду я прислугой,
Не буду римлян я подругой...
Попасть в могилу то пустяк,
Я не какой-нибудь сопляк!

Готов я жизнь отдать в бою
За славу родину свою:
Во мне трепещет каждый атом
Арменией и Араратом!

А золото... оно ж – порок,
Превыше чести только Бог!
Ну, всё! Ступай! Как ни верги,
Тебе придется в бой идти!

Скажи царю: Спокойно спи!
Мятежный князь вам шлет дары:
Детишек трупы, женщин кровь...
Не стоит большего Хосров!»

Вернулся бравый спарапет
В стан своей армии задет...
«Солдаты к бою!» – закричал
И меч из ножен он достал...

И кровь рекою полилась,
Когда уж зорька занялась.
И полегли и стар, и млад,
И не зажег никто лампад...

И древний замок родовой

Разрушен римской был ордой...
Чуть не погас древнейший род⁵³,
Души не чаял в ком народ...

Прошли века, ушли во тьму
Все, кто вершили ту резню,
Ушел и князь, что пал в бою,
Да не прогнулся на краю...

Но вопреки желанью многих,
К мольбам глухих, умом убогих,
Тех, что не ведая пути,
Готовы в жертву принести:

Чужие жизни, честь, добро,
Лишь не лишиться б своего, —
Тот князь потомком не забыт,
И песнь хвалебная звучит!

И смерти нет, и нет забвенья,
И предку – вечное почтенье!
И помнит каждый пусть тиран:
Мятежный князь – то не роман!

Рецензии

Очень интересное и сильное произведение!

*Впечатлило...*⁵⁴

Шон Маклех Патрик

02.07.2016

Ай да Пушкин! Жаль, нету сил похлопать...

*Не ожидал...*⁵⁵

Владимир Ковалев

06.07.2016

Комментарии к предисловию

¹ Известный английский профессор кавказских исследований, специалист по истории Армении Дэвид Маршалл Лэнг научно обосновывает, что наряду с Египтом и Месопотамией, Армению также по праву можно считать колыбелью цивилизации. Лэнг является автором книги «Армения – колыбель цивилизации». (Armenia: Cradle of Civilization. London: George Allen & Unwin, 1970) «...Как-то мне довелось прочитать замечательную книгу Роберта Андерсена „История исчезнувших цивилизаций Востока“, и в ней мое внимание привлекла одна карта. На ней заглавными латинскими буквами были обозначены ключевые царства древнего мира. И какова же была моя гордость за свой народ, когда на карте Месопотамии – колыбели человечества, среди исчезнувших государств, таких как Ассирия, Вавилония и Хеттское царство, я нашел название своей исторической родины – Армении! Нет, я, конечно, знал о том, что история моей родины уходит своими корнями вглубь веков, но знал это, как бы вам сказать, умозрительно, что ли. А тут совсем другое дело – небольшая старая книга с пожелтевшими от времени страницами, со специфическим запахом плесени и пыли, и эта карта...» *С.С.Саркисян, История одного рода – Н. Новгород: Издательство «Печать НН», 2015. – С. 18.*

² «...Отец говорил, что дедовский дом называли «меликанц тун (княжеское поместье) ... Он очень гордился своим происхождением... Помню, как я, будучи взрослым мужчиной, при заполнении анкеты на допуск к сов. секретным документам, не знал, что ответить на один банальный вопрос...» – «Какой вопрос?» – «В одной из граф нужно было указать свое происхождение... Я, после долгих раздумий, спросил у отца, что же мне написать... По сей день не могу забыть выражение его лица... Он помрачнел, а его взгляд стал... Помню, как мать говорила, что когда Степа так смотрел, ей становилось жутко... Мне тоже стало не по себе от того взгляда...» – «И что сказал дед?» – «Он смотрел на меня и молчал... и, ты знаешь, я почувствовал, что отец был до глубины души оскорблен, унижен, растоптан...» – «Твоим вопросом?» – «Нет, не вопросом, а вынужденным ответом... Не забывай, что жили мы тогда в стране рабочих и крестьян... Не зря отец так опасался... Очень многие знали не понаслышке, что «из-за капли голубой крови алая кровь могла пролиться рекой»... Конечно, восьмидесятые годы – не тридцатые, но осторожность в этом вопросе не может быть излишней...» – «И всё же, что тебе ответил дед?» – «Он не столько ответил, сколько выдал из себя: Напиши, что ты из рабочих...» – «Хм...» – «Ты знаешь, а ведь отец говорил, что у его предков было даже родовое имя!» – «Какое?» – «Ордуни...» *С.С.Саркисян, История одного рода – Н. Новгород: Издательство «Печать НН», 2015. – С. 30—31.*

³ Из книги Повестей Фавстоса Бузанда: «...В эти времена возникла большая смута в армянской стране, так как два великих нахарара и князя, бывшие владельцами гаваров и стран, поссорились между собою, с большой злобой затеяли усобицу, вели несправедливую войну друг против друга. И мутили великую армянскую страну князь рода Манавазян и другой – нахапет рода Ордуни. Они воевали с большим ожесточением и много было народу перебито. Тогда царь Хосров и великий патриарх Вртанес отправили к ним почтенного великого епископа Албиана, чтобы переговорить с ними и установить мир. Блаженный Албиан поехал к ним и стал уговаривать и склонять их к миру. Они же надругались над ним и отвергли его посредничество; они пренебрегли посланными и с большим бесчестьем отослали епископа и даже захватили и разрушили царский дом; а сами они, остервенев, сейчас же стали воевать еще ожесточеннее друг с другом. Тогда царь, в великом гневе и негодовании, послал против них Ваче, сына Артавазда, нахапета дома Мамиконянов из рода армянских спарапетов, великого полководца своих войск, с предписанием истребить, уничтожить оба эти рода. И полководец Ваче пошел на них, разгромил и уничтожил оба рода, не оставил в живых из обоих

родов ни одного отпрыска мужского пола, и сам вернулся к армянскому царю Хосрову и к патриарху Вртанесу, и (царь) отдал епископу Албиану в пользу церкви аван и коренное сельное село нахапета Манавазянов, то есть Манавазакерт со всеми пределами и с прилегающим к нему округом, находящимся возле реки Евфрат. А коренное селение Ордуни, называвшееся Ордору, находящееся в Басанской земле, со всеми пределами, было отдано басанскому епископу, который происходил из селения Ордору». «... После этого нахапет Датабен Бзнуни поднял бунт против Хосрова и попытался настроить против него других нахараров, но был разбит, захвачен в плен и побит камнями в присутствии царя. Чтобы подобные случаи не повторялись, Хосров издал закон, по которому все нахарары должны постоянно находиться при дворе царя. Однако это не помогло: начинался ещё более опасный бунт. Против царя восстал князь Бакур Алдзникский, надеявшийся на помощь Сасанидов, однако во время боя он погиб вместе со своими братьями и сыновьями». *Литература: Нерсисян М. Г. Противоборство центральных княжеств и нахарарств // История армянского народа. – Ер.: Издательство Ереванского Университета, 1985. – С. 107—109. – 528 с. (арм.) Мовсес Хоренаци. История Армении.*

⁴ Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) – один из крупных русских поэтов и ученых XX века, народный поэт Армении, автор «Летописи судеб армянского народа» и антологии «Поэзия Армении». Патриарх армянской поэзии Ованес Туманян, обращаясь к Валерию Брюсову от имени местного Общества армянских писателей, сказал: «Вы явились одним из тех немногих людей, которые смогли прочесть волшебные письмена армянской поэзии и обнаружить их. О нашей поэзии, о нашей культуре просвещенный мир и в особенности Россия знают мало. Вы явились первым из русских поэтов, который вместе со своими известными коллегами широко знакомит читателя с поэзией, творческой силой армянского народа... И за это высокое и прекрасное начинание я сердечно благодарю Вас...»

⁵ Из предисловия к «Летописи судеб армянского народа» Валерия Брюсова: «... Я убедился, что в судьбы армян включены одни из примечательнейших страниц всеобщей истории, озаряющие новым светом целый ряд вопросов исторической науки. Еще мало, сравнительно, исследованная, а в широких кругах русских читателей и вовсе неизвестная, история Армении заслуживает внимания в той же мере, как история самых значительных народов, сделавших свой самостоятельный вклад в культуру человечества, не исключая ни египтян, ни эллинов, ни римлян, ни народы, современной Европы».

⁶ «В дальнейшем изложении, так как курс Халатьянца заканчивается царствованием Тиридата III, мы следуем преимущественно F. Tour-nebize e и Saint-Martin, поправляя и пополняя их на основании античных историков (Аммиан Марцеллин и др.) и историков Рима (Гиббон, Дюрюи и др.)». Примечания Брюсова В. Я. к «Летописи судеб армянского народа».

⁷ «... Регулярные смены царей Великой Армении важны, конечно, в том отношении, что наглядно показывают смены преобладания в Армении то римлян, то парфвов. Римляне достигали успеха или военной силой, или коварством; парфы – более глубоким влиянием, основанным на сродстве культуры и обычаев двух народов. Для армян римляне долгое время были народом чужим, внешней силой, которой приходится подчиняться; парфы – соседями и друзьями, так что парфская партия в Армении считалась национальной. Но, оставаясь в большинстве случаев и по общему направлению своей политики врагами Рима в те века, когда Римская империя была могущественнейшим государством на земле, армяне тем самым истощили свои силы в бесплодной борьбе. Когда же, с середины III века, армяне изменили свою политику в сторону теснейшего сближения с Римом, обстоятельства уже переменялись: то была эпоха, когда силы империи стали падать и, напротив, преобладающее значение приобрела в Передней Азии восточная держава, – ново-персов, отношения с которыми у армян опять сложились враждебные. Эта роковая связь, – сначала с обреченной на гибель Парфией против все возрастающей силы Рима, потом с слабеющей империей против усиливающейся Персии, – и была

одной из главных причин утраты Арменией своей независимости». В. Я. Брюсов, *«Летопись судеб армянского народа»*, Ереван Изд. Ереван Айастан, 1985. – С. 42—43.

⁸ Согласно летописям, род Ордуни получил «ярлык на княжение» от Вагаршака I, царя Великой Армении (116 140/44) из династии Аршакидов. Именно Вагаршак I, летом 116 года нашей эры возглавил восстание армян против римских захватчиков и восстановил независимость Армении от Рима при поддержке парфянского царя Хосрова I. Имя Вагаршака I носит город Вагаршапат (во II – IV веках столица Великой Армении), единственный ныне населенный город древней Армении. В его центре находится собор, построенный в 303 году на том месте, где, согласно преданию, Григорию Просветителю явился сам Христос. В память об этом событии собор получил название Эчмиадзин – буквально «сошел едиnorodный». Вагаршапат является одним из наиболее значительных культурных и религиозных центров мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.